

Лагунов Алексей Александрович

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социальной философии
и этнологии
Северо-Кавказского федерального университета

Ходорко Анна Викторовна

старший преподаватель кафедры общих дисциплин
Чукотского филиала
Северо-Восточного федерального университета

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ
«МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ»**

Аннотация:

Статья посвящена уточнению понятий «традиции» и «мировоззренческие традиции», необходимо в связи с повышением научного интереса к проблеме влияния традиций на общественную жизнедеятельность и изменением содержания указанных понятий в последние десятилетия. В исследовании применен диалектический подход, использованы контент-анализ словарных статей разных временных периодов и метод теоретического обобщения.

Ключевые слова:

традиции, новации, мировоззрение, мировоззренческие традиции, интерпретация, диалектическая взаимосвязь, социальные смыслы, противоречие.

Lagunov Alexey Aleksandrovich

D.Phil. in Philosophy,
Professor, Social Philosophy
and Ethnology Department,
North Caucasus Federal University

Khodorko Anna Viktorovna

Senior Lecturer, General Subjects Department,
Chukotka branch of
the North-Eastern Federal University

**SOCIO-PHILOSOPHICAL
INTERPRETATION OF
THE "WORLDVIEW TRADITIONS"
CONCEPT**

Summary:

The article clarifies the concepts of "traditions" and "worldview traditions", necessary due to the increased scientific interest in the problem of traditions' influence on the public life and the change in the content of the concepts during the last decades. The study has applied the dialectical approach, the content analysis of dictionary entries of various time periods and the method of theoretical generalization.

Keywords:

traditions, innovations, outlook, worldview traditions, interpretation, dialectical relationship, social meaning, contradiction.

Проблеме влияния традиций на общественную жизнедеятельность в социально-философских исследованиях уделяется немало внимания, что связано с той растущей значимостью новационных процессов, которая ярко выявила противоположенность прежнего и нового, заставляя ученых осмысливать взаимоотношения традиционного и новационного в социуме. Раньше эта проблема не была столь значима, поскольку общество было имплицитно традиционным и отсутствовала необходимость в отдельном изучении традиций, вплетенных в жизнь людей.

Интересно, что в изданной в наше время печатной версии дореволюционного «Малого энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» рассмотрены только два значения слова «традиция», не имеющие никакого отношения к упомянутой социально-философской проблеме: богословское (при этом словарь отсылает к статье «Предание священное») и юридическое («передача права собственности») [1, с. 578]. Электронная версия словаря Брокгауза и Ефрона раскрывает только юридическое значение слова: «...Установление фактического господства над вещами со стороны их прежнего владельца в пользу нового, приобретающего их в собственность или владение» [2] и т. д.

Между тем в «Советском энциклопедическом словаре» (СЭС), первое издание которого датируется 1979 г., два указанных дореволюционных значения слова «традиция» отсутствуют, зато присутствует новое, третье, и уже прямо относящееся к означенной социально-философской проблеме: традиция – это «элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обстоятельствах, классах и социальных группах в течение длительного времени» [3, с. 1348]. Традициями могут быть различные общественные установления, поведенческие нормы, ценности, обычаи, обряды и даже идеи.

«Новый иллюстрированный энциклопедический словарь», изданный уже в нашем веке, слово в слово, хотя и с некоторыми сокращениями (опущены сентенции о том, что традиции наиболее распространены в религии, а также о том, что они могут быть как реакционными, служащими сохранению «отживших» общественных и культурных форм, так и прогрессивными, со-

ответственно способствующими развитию творческих начал в общественных отношениях и культуре), повторяет статью из СЭС, не упоминая о специальных богословских и юридических значениях понятия «традиция» [4, с. 729].

Такое быстрое, произошедшее в течение нескольких десятилетий изменение значения слова, в результате чего акцент был перенесен со специфических смыслов (богословских, юридических, экономических) на общие, относящиеся к сфере всей человеческой жизнедеятельности, не может не вызвать исследовательского интереса. Как представляется, эту метаморфозу можно объяснить прежде всего ускорением социально-исторического времени. В традиционных обществах не было никакого смысла в специальном обосновании значимости традиций, поскольку все сферы общественной жизни преимущественно фундировались ими и очевидной была непреходящая, как казалось тогда, роль традиций в поддержании стабильного, т. е. понималось – преемственного социального развития. Однако вместе с экспоненциальным ростом технологий и коммуникаций в эту традиционную стабильность было привнесено неисчислимое количество новационных социокультурных элементов, мир вокруг нас кардинально изменился, в обыденной жизни, не говоря уже о сфере государственных интересов, появились вещи, прообразы которых можно было только угадывать в сказочных сюжетах. Возникло ощущение, что значимость традиций отходит на второй план или даже исчезает вовсе, уступая место волшебным новациям в технике, политике, экономике, культуре и пр., – ощущение того, что мощь человеческого разума способна преодолеть все прежние проблемы и построить общежитие, оптимальное для всех людей во всех отношениях. Но сегодня мы видим, что подобное ощущение было кажимостью, иллюзией, даже несмотря на то, что у этой иллюзии были и есть свои основания. Вместо светлого будущего, основывающегося на сциентистских, коммунистических, либертарианских и других идеалах, человечество столкнулось с трудноразрешимыми, а возможно, и совсем неразрешимыми в рамках новых мировоззренческих парадигм глобальными проблемами буквально во всех сферах его жизнедеятельности [5].

Тем не менее убежденность в относительной, а не абсолютной значимости традиций осталась, и для ее преодоления потребовался повышенный интерес научного сообщества к феномену традиций, способствующий раскрытию его сущности. Стало понятным, что передача опыта от поколения к поколению важна не только в теологической или юридической перспективах, но во всех областях, в которых наличествуют общественные отношения; что сказочная «зачарованность» новыми волшебными вещами, окружающими нас, не может стать аргументом против традиционного: вещи – только атрибуты человеческой деятельности, сущность же ее заключается не в них, а в определенных идеях, ценностях, в нормировании поведения, а с этим в современном обществе все уже не так новационно. Конкретные общественные идеология, аксиология, система нравственности, права, представления о социальном целеполагании, смыслах личного и общественного существования достаточно инерционны, невзирая даже на то, что они, конечно, обладают определенной динамикой, видоизменяются в социально-историческом времени. Обратим внимание, что речь здесь уже идет прежде всего о традициях мировоззренческих, формирующих представления человека об окружающем мире, обществе, о его месте и роли в них, иными словами позволяющих ему осмыслить собственное существование. И такие мировоззренческие традиции, в отличие от менее существенных, относящихся к специальным видам деятельности личности и общностей, или же к обыденной, повседневной стороне их жизни, достаточно трудно поддаются процессам внешней трансформации.

Согласно диалектике традиций и новаций, новое не может возникнуть ниоткуда: почвой, на которой оно произрастает, становится традиция. Причиной же, обуславливающей постоянное формирование новации в лоне традиции, является принципиальное несовершенство самой традиции. Иначе, новация есть превращенная традиция, она, с одной стороны, формируется в ней, а с другой, сама со временем становится традицией. Противоречие, зачастую возникающее между традицией и новацией, таким образом, не является генетическим, свидетельствующим о разнице их природы, – это только необходимый момент для осуществления дальнейшего диалектического синтезирования. При таком подходе нелепыми кажутся утверждения о сущностной противоположенности традиции и новации, диктующей дилемму: или сохранять прежние обычаи, норму, идею и пр., или утверждать новые. Традиция и новация – взаимосвязанные моменты, вечно сохраняемые в синтетическом отрицании.

Следует отметить, что далеко не всегда процесс диалектического развития так органичен, как в вышеприведенном случае. Особенно неорганичность характерна для современного глобализирующегося общества, в котором рост технологий и коммуникаций вызывает смешение социокультурных элементов. Новое в том или ином обществе все чаще появляется извне, при этом не только естественным путем взаимообмена с другими общностями, но и вследствие искус-

ственного, порой даже насильственного насаждения. Однако в таких случаях искусственно приносимая новация все же модифицируется, преломляется сквозь призму конкретного общественного сознания и в результате или отвергается им, или же, видоизменившись, включается в диалектический процесс взаимоперехода традиций в новации и наоборот.

«Новая философская энциклопедия» дефинирует традицию уже не просто как сумму «элементов социального и культурного наследия», а как «способ бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующий устойчивость и преемственность опыта поколений, времен и эпох» [6, с. 87]. Как видим, основной акцент в этом определении делается на непреходящей функции всякой традиции, обеспечивающей устойчивость опыта поколений, которая основывается на преемственности социокультурных элементов, без которой невозможными становятся процессы общественного развития.

По мнению автора словарной статьи, философский статус и всеобщность понятия традиции обуславливается его присутствием во всех сферах человеческой жизнедеятельности, он представляет традицию в качестве разновидности «исторического сознания, где прошлое претендует быть прообразом настоящего и даже одним из источников **совершенства** будущего» [7]. Здесь необходимо отметить два момента: во-первых, традиция толкуется как источник совершенства, что подтверждает приведенный выше тезис о принципиальном несовершенстве традиции, обуславливающим ее развитие, интендирующем к совершенствованию (как процессу), что и является причиной возникновения новации в лоне этой традиции; и, во-вторых, значение понятия традиции усложняется: это уже не просто сумма элементов наследия и не только способ их бытия и воспроизводства, но и специфическая разновидность исторического сознания (формы сознания общественного), обеспечивающего связь времен и устойчивость, преемственность конкретного общественного сознания в социально-историческом времени. Взаимосвязь традиции и общественного сознания подчеркивается еще и тем, что первая представляется как предпосылка и конституирующее начало «формирования **идентичности** человека, группы или целого социума». Сформированная идентичность приобретает статус традиции, что дает возможность даже утверждать о тождественности этих понятий. Разумеется, такое отождествление будет несколько поспешным, поскольку процессы идентификации личности или общностей предполагают соразмерение собственного сознания (личностного и общественного) с идеями, установлениями, нормами, обычаями, принятыми в определенной социальной группе, среди которых есть не только традиционные, но и вполне новационные. К тому же достигнутая вследствие процессов идентификации идентичность является неким относительно стабильным состоянием личности (общности), чего нельзя сказать о традиции (это социокультурный элемент, феномен, даже способ, влияющие на это состояние, но никак не само состояние).

Охарактеризовав далее основные принципы диалектики традиций и новаций, в целом совпадающие с приведенными нами выше, автор статьи делает справедливый вывод: «Практика показывает, что модернизация идет успешнее там, где считаются с традициями реформируемого общества, а, в свою очередь, традиции сохраняют свою жизненную силу, отвечая на потребности времени и вращаясь в новые формы жизнеустройства, т. е. обновляясь» [8, с. 88]. Таким образом, следуя этой мысли, можно сделать диалектический вывод о том, что новации вплетаются в цепь развития традиций, и если они противопоставляются им, вступают с ними в противоречие, то временно, способствуя зарождению синтетических норм, обычаев, установлений, идей и пр., включающих в себя в качестве своих моментов и традиции, и новации и, в свою очередь, подверженных процессам традиционализации.

После проведения интерпретации понятия «традиции» и установления его диалектической взаимосвязи с новацией обратимся к термину «мировоззренческие традиции». По мысли Т.И. Ойзермана, мировоззрение есть «система человеческих знаний о мире и о месте человека в мире, выраженная в аксиологических установках личности и социальной группы, в убеждениях относительно сущности природного и социального мира» [9, с. 578]. Важным в этом определении, на наш взгляд, является апелляция его автора, во-первых, к ценностным личностным и общественным установкам и, во-вторых, к убеждениям о сущности природы и общества, формирующимся в личностях и их группах. Эти установки и убеждения можно отнести к «смысложизненным»: действительно, жизнь человеческая (если, конечно, речь идет о мыслящей личности) приобретает смысл в том и только в том случае, если ее носитель сформирует в себе представления о сущности, собственной и окружающего его мира (добавим, что формирование таких представлений – «Кто мы?» – невозможно без утверждения положений космологического и телеологического характера – «Откуда мы?» и «Куда мы идем?»). Если это произойдет, тогда и система ценностей, соотносящаяся с твердо оформленными космологическими, сущностными и телеологическими представлениями, станет осмысленной.

Исходя из приведенной дефиниции понятия «мировоззрение» и в результате сопоставления ее с вышеизложенной интерпретацией понятия «традиции», можно, обобщив, сделать вывод о том, что к мировоззренческим традициям следует относить те передающиеся от поколения к поколению элементы социального и культурного наследия (целостная совокупность которых является одновременно и способом бытия и воспроизводства этих элементов, обеспечивающего устойчивость и преемственность опыта поколений), которые непосредственно относятся к формированию представлений личности: а) о происхождении мира и человека; б) об их сущностных основаниях; в) об экзистенциальных целях, собственных и общественных; г) о приемлемых для исполнения своего осмысленного жизненного предназначения ценностях.

Отметим, что все четыре обозначенные позиции непосредственно относятся к личностному сознанию, которое между тем никогда не формируется в индивидуалистической изоляции, а предполагает усвоение и интерпретацию коллективных представлений, проводящиеся посредством как самостоятельной творческой работы личности по осмыслению традиционного социокультурного материала, так и бессознательного для нее воздействия устойчивых в конкретных общностях стереотипов мысли и действия, фиксирующихся в общественном менталитете, этом важнейшем идентификаторе социального субъекта, объединяющем групповые, этнические, общечеловеческие «стереотипы мышления и поведения, раскрывающие самобытный характер личности, семьи, общности, этноса» [10, с. 59–60]. Потому взаимосвязь общественного сознания и мировоззренческих традиций, закрепляющихся в нем, очевидна, как ясно и то, что мировоззренческие традиции всегда конкретны, т. е. непременно относятся к определенному существующему в социально-историческом времени обществу (что не исключает сходства многих мировоззренческих традиций у разных народов, поскольку формирует их в конечном итоге человек, личность, сущностные характеристики которого неизменны в пространстве и времени).

Ссылки:

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2003.
2. Традиция [Электронный ресурс] // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. URL: http://slovo.yaxy.ru/dic_br_and_ef/18.html#ТОС_id3460772 (дата обращения: 08.11.2016).
3. Советский энциклопедический словарь. Изд. 4-е. М., 1987.
4. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2003.
5. Лагунов А.А. Русская религиозная философия в контексте социальных реалий современного мира : монография. Ставрополь, 2007.
6. Толстых В.И. Традиция // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2010.
7. Там же. С. 87.
8. Там же. С. 88.
9. Ойзерман Т.И. Мировоззрение // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2010.
10. Душина Т.В., Лагунов А.А. Общественные факторы религиозно-философской рефлексии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2010. № 1.

References:

- Brockhaus, FA & Efron, IA 2003, *Encyclopedic Dictionary. The modern version*, Moscow, (in Russian).
- Dushina, TV & Lagunov, AA 2010, 'Social factors of religious and philosophical reflection', *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, no. 1, (in Russian).
- Lagunov, AA 2007, *Russian religious philosophy in the context of the social realities of the modern world: a monograph*, Stavropol, (in Russian).
- New Illustrated Encyclopedic Dictionary* 2003, Moscow, (in Russian).
- Oizerman, TI 2010, 'World', *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, vol. 2, Moscow, (in Russian).
- Tolstyh, VI 2010, 'Tradition', *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, vol. 4, Moscow, (in Russian).
- 'Tradition' 2016, *Brockhaus FA, Efron IA Entsiklopedicheskiy slovar'*, viewed 08 November 2016, <http://slovo.yaxy.ru/dic_br_and_ef/18.html#ТОС_id3460772>, (in Russian).
- Soviet Encyclopedic Dictionary* 1987, 4th. ed., Moscow, (in Russian).